

Я родился въ 1789-мъ году 21-го декабря, въ Кексгольмѣ, на Ладожскомъ озерѣ, гдѣ отецъ мой*, въ чинѣ штаб-капитана, занималъ какое-то гражданское мѣсто. Ранняя же юношеская любовь заставила его, кажется, оставить военную службу еще въ чинѣ подпоручика какого-то, кажется, Симбирского гренадерского полка. Только первые четыре года юности прошелъ я въ родительскомъ домѣ; потомъ отвезенъ въ Петербургъ, въ домъ друзей отца моего, инженеръ-генерала Степана Даниловича Микулина, который опредѣлилъ меня въ Сухопутный Кадетский Корпусъ въ 1794-мъ году, гдѣ уже засталъ я старшаго моего брата Карла, за два года передъ тѣмъ туда轉入. Здѣсь провелъ я одинадцать лѣтъ, отъ нянечки, которая меня кормила, до эполетъ артиллерийскаго подпоручика, съ которыми выпустили. Тому періоду принадлежатъ важныя воспоминанія, оставленныя въ душѣ отца видомъ Екатерины, Павла, Суворова—различно безсмертныхъ въ истории Россіи и человѣчества. Графъ Антонъ умеръ въ годъ моего определенія въ корпусъ, но благодарная и теплая обѣсть память дѣтей, конечно, долго еще способствовала къ воспоминанію въ нихъ благороднѣйшихъ мѣстъ.

*
Не перестаю жалѣть о томъ, что знаю никакихъ подробностей о моихъ предкахъ и очень мало о моемъ отце. Мысль о прошедшемъ и заботливость о будущемъ въ семействахъ связанные благороднѣйшими чувствованіями человѣкѣ. Пусть прошедшее вашего отца, дѣти мои, начнется хотя съ меня. Вы найдете здѣсь главнѣйшія прошествія моей жизни. Важность событій общихъ и великій періодъ, оставленныхъ именемъ и прославившихъ ваше Отечество въ мѣре времени, придастъ чистымъ моимъ похожденіямъ занимательность, а впечатлѣнія, которые это вмѣстѣ на меня производило, представятъ вамъ нравственное изображеніе отца, въ пособіе писаннымъ портретамъ, которые вамъ останутся. Память обо мнѣ будетъ вполнѣ живой въ душахъ вашихъ, когда вы будите имѣть передъ глазами и вещественное и нравственное мое изображеніе.

Фамилія Граббе, сколько намъ известно, происходія Шведскаго, одного корня съ фамиліею Краббе, такъ что ихъ смѣшивали въ официальныхъ бумагахъ, графъ Павелъ Гофровичъ даже называлъ былъ по фамиліи Граббе. (см. ниже, стр. 858). П. Б.

ши видѣть знаменитаго мужа: краснорѣчиемъ лучшихъ странницъ исторіи. Весьма важно принимать это въ соображеніе, при назначеніи начальниковъ въ главныя воспитательныя заведенія.

Прилежно учился я всего года два, послѣдніе до выпуска, и занялъ первыя скамьи въ высшемъ классѣ по всѣмъ предметамъ преподаванія. Но отъ всей этой кадетской учености не съ чего было съ ума сойти. — Главные мои воспитатели были древніе; Платонъ въ особенности, рано попавшійся мнѣ въ руки, открылъ мнѣ въ своихъ простодушныхъ разсказахъ новый міръ, идеалы значенія и величия человѣка, чудная судьбы его. Между тѣмъ я читалъ жадно все, что попадало мнѣ въ руки хорошаго, вреднаго, развратнаго. Присмотрѣвъ въ этомъ отношеніи былъ слабый. Впрочемъ хорощее, кажется, превозмогло. Я оставилъ корпусъ, несмотря на наѣжную мою молодость (мнѣ было пятнадцать лѣтъ) съ тѣломъ здоровымъ, съ пламенной любовью къ Отечеству; хотя съ неопределенными понятіями о вѣрѣ, но съ чувствомъ потребности въ ней, особенно въ счастливыхъ минуты. Это противорѣчить общему повѣрью. Гораздо позже я научился все относить къ Небу: и страданія, и радости.

За наѣсколько лѣтъ передъ выпускомъ, мои родители перѣѣхали въ Петербургъ, гдѣ отецъ мой получилъ мѣсто по управлению Воспитательного Дома. Насъ по праздникамъ отпускали изъ корпуса домой. Впечатлѣнія города на меня были оглушительны; отъ нихъ ничего не осталось; семейныя были изгажены слишкомъ ранней отъ нихъ отвычкой. Насъ было всего три брата и восемь сестеръ. Изъ послѣднихъ одна только теперь жива, младшая изъ семейства, Марія, замужемъ за Македонцемъ, полковникомъ лейб-

гвардии конно-артиллерийскимъ *. Братья все живы, я средний между ними. Отецъ умеръ за нѣсколько лѣтъ до нашего выпуска изъ корпуса, не оставивъ намъ ничего кромѣ примѣра рѣдкаго безкорыстія. Мѣсто его починалось очень выгоднымъ. Это обратило вниманіе императрицы Маріи Федоровны. Она пожелала видѣть сиротъ такого отца. Мы были ей представлены и потому возвращены въ корпусъ. Изъ четырехъ оставшихся сестеръ помѣщены три въ Смольный монастырь, четыре въ Екатерининскій институтъ. Мать впала въ ипохондрію неизлѣчимую; не смотря на то, прожила до 1828-го года и скончалась въ Могилевѣ на Днѣстрѣ, въ домѣ старшаго моего брата Карла.

Въ 1805-мъ году, 5-го Сентября, выпущенъ я изъ корпуса подпоручикомъ артиллеріи во 2-й артиллерійскій полкъ и немедленно отправленъ въ армію, бывшую тогда на походѣ въ Моравію. Я выѣхалъ изъ Петербурга съ двумя братьями Нольде и съ Одинцомъ, вмѣстѣ со мною вышедшими въ артиллерию. Всѣ четверо помѣстились мы въ одной кибиткѣ. Не помню, чтобы мы жаловались на тѣсное помѣщеніе; но и теперь вспоминаю невыразимыя впечатлѣнія первыхъ дней свободы, новыхъ предметовъ, незнакомой природы, чуднымъ образомъ поражавшихъ мою совершенную неопытность. Братья Нольде имѣли родителей въ Якобштадтѣ, въ Курляндіи. Мы заѣхали къ нимъ. Не безъ тоски, въ молчаніи, былъ я свидѣтелемъ радостнаго приема сча-

* Михаилъ Васильевичъ (командиромъ артиллериіи на Дону), сыномъ Вороежескаго помѣщика Василия Игнатьевича Македонца, съ которымъ читатели Русскаго Архива знакомы по письмамъ къ нему Евгения Баховитинова. (Р. Арх. 1870). П. Б.

стливыхъ родителей. Насъ, чужихъ, приняли также, какъ родныхъ. Здѣсь провели мы нѣсколько пріятныхъ дней, особенно памятныхъ для меня слушаемъ теперь смѣшины, тогда ужасны. На другой день нашего прѣѣзда сѣхались въ домѣ родственники и знакомые семейства Нольде. Мы были позваны. Я шелъ позади всѣхъ. Когда дверь изъ коридора въ гостииную отворилась, я увидѣлъ множество гостей, наиболѣе женщинъ, занимавшихъ всю окружность комнаты, и всѣ глаза обратились на отворившуюся дверь. Туманъ покрылъ мои глаза. Троє товарищей моихъ вошли, я остался въ коридорѣ за стеклянною дверью. Очнувшись, я взглянулъ въ гостииную. Товарищи мои размѣстились. Средина комнаты очистилась, и всѣ глаза опять были направлены на дверь. Не помню, какъ я, наконецъ рѣшился отворить ее и какъ дошелъ до средины гостииной. Молчаніе было общее. Всѣ глаза устремились на меня. Холодный потъ выступилъ по мнѣ, и кровь бросилась въ голову. Я стоялъ какъ громомъ пораженный, предметъ насищенный и состраданіемъ. Козайка послѣднимъ подозвать меня къ себѣ и ласковымъ разговоромъ наконецъ меня успокоила. Сколько скромность украшаетъ всякаго, особенно юношу, столько застѣнчивость дѣлаетъ его жалкимъ. Это параличъ на всѣ умственныя и душевныя силы, во все времена продолженія припадка. Застѣнчивость природная можетъ еще быть чрезвычайно усиlena сознаніемъ неловкости, когда при воспитаніи пренебрѣжены гимнастическая упражненія, танцованиѣ, умѣнье кланяться и пр.

Послѣ нѣсколькихъ дней отдыха, среди этого доброго семейства, мы отправились далѣе въ Вильну. Старшая сестра братьевъ Нольде, дѣвушка,

дѣтъ 19-ти, проводила насъ до первого ночлега на постояломъ дворѣ. Младший Нольде, желая попробовать порохъ, передъ тѣмъ купленный въ Якобштадтѣ, взялъ изъ угла свой карабинъ, имъ самимъ туда поставленный, насыпалъ пороху на полку и приложилъ, дерзко смыясь, къ груди своей сестры, говоря, что застрѣлить ее. Надобно сказать, что этотъ карабинъ, заряженный во всю дорогу, по желанию родителей былъ разряженъ въ ихъ домѣ. Мы всѣ и старшая сестра были при томъ. Не смотря на этуувѣренность, остатокъ женскаго страха заставилъ ее шутя оттолкнуть немногого въ сторону дуло; въ это мгновеніе братъ спустилъ курокъ, и вдругъ раздался выстрѣлъ, испептившій дверь комнаты, къ счастію запертую, крупною дробью. Ружье выпало изъ рукъ устрашенаго Нольде. Хозяинъ и крестьяне, сидѣвшіе въ ближней комнатѣ, вѣжали, и каково было наше изумленіе, когда хозяинъ узналъ свой карабинъ, поставленный имъ, по возвращенію съ неудачной охоты, на привычное мѣсто; карабинъ же Нольде былъ перенесенъ на другое. Сходство между ружьями было большое, но при ближайшемъ осмотрѣ нашлись и важные несходства, которыхъ мы прежде не замѣтили. Къ счастію, это кончилось однимъ испугомъ.

Не доходя одинъ переходъ до Варшавы, я догналъ свой полкъ. Меня встрѣтили пріязненные лица. Варшаву прошли мы въполномъ парадѣ; но хотя я былъ на своемъ мѣстѣ, почти ничего однако не видаль. Стеченіе народа было огромное на улицахъ; балконы и окна домовъ сияли красавицами во всемъ блескѣ нарядовъ. Отовсюду доходили до меня слова: «Посмотрите, посмотрите на этого офицера,—это дитя», и при этомъ изъявленія жалости,

восклицанія, какъ можно такое дитя послать на войну. Все это такъ смущило меня, что, покраснѣвъ до ушей, я потупилъ глаза на мостовую и такъ прошелъ весь городъ. Въ этомъ возрастѣ (мнѣ было не сполна шестнадцать лѣтъ) я былъ такъ малъ ростомъ, что за именемъ моимъ всегда слѣдовало прозвище *маленький*. Въ слѣдующіе три года, ознаменованные тяжкими трудами, я достигъ полнаго своего роста, 10-ти вершковъ, но остался навсегда худощавымъ.

Меня опредѣлили въ роту капитана Чуйкевича. Въ памяти о немъ не осталось ничего пріятнаго. Мы слѣдовали въ Моравію черезъ Силезію. Этаъ благословенный край, т. е. Силезія, произвелъ во мнѣ уладительная ощущенія общую картину порядка, изобилія и трогательнымъ гостепріимствомъ жителей. Горы въ первый разъ поразили и пѣнили меня необыкновенными и прелестными видами.

Колонна генерала Эссена, Ивана Николаевича, къ которой мы принадлежали, спѣшила въ соединеніе къ большой арміи, подъ кр. Ольмюцомъ со-средоточенной. Въ Вейскирхѣ оставили мы шоссе и пошли на Прeraу, по ужасной грязи, въ одинъ переходъ разстроившей упражнку артиллери. Оставалось два перехода до Аустерлица; но здѣсь мы нашли извѣстіе, что сраженіе проиграно, и скоро бѣглецы разныхъ полковъ, въ разныхъ безобразнѣйшихъ видахъ, показали намъ всю величества претерпѣнаго пораженія.

Тутъ начались для меня первыя испытанія, внезапно выведшія меня изъ периода отрочества, чувствомъ сознанія собственныхъ силъ и необходимости употребленія ихъ безъ чуждаго совѣта и направления.

Колонна Эссена поспѣшно послѣдовала отступательному движению ар-

мін чрезъ Венгрию. Ротный мой командръ, не могши забрать, по изнурению лошадей, всѣ зарядныя свои фуры, оставилъ двѣ въ Прераву, приказавъ мнѣ съ помощью тринадцати артиллеристовъ достать у жителей, хотя бы силою, нужное число лошадей и стараться догнать армію. Скоро по выступлениіи нашихъ войскъ и при первомъ приступѣ къ исполненію моего порученія, раздался въ мѣстечкѣ и во всей окружности набатъ, и поднялась общая тревога: Французские раззѣзы приближались. Въ отчаяніи рѣшился я бросить свои палубы (такъ назывались тогда зарядныя огромныя фуры) и съ своими людьми искать спасенія. Большая дорога казалась опасна; мы кинулись въ горы. Скоро догнали мы небольшие отряды полковъ колонии Эссена, по тому же направлению спѣшившихъ углубиться въ горы. Нѣсколько человѣкъ Французскихъ драгунъ, преслѣдовавшихъ на资料о офицера, доскали недалеко отъ насъ; но насъ для нихъ было слишкомъ много, и мы приготовились къ оборонѣ. Малыми и весьма трудными дорогами, не оставляя горъ, подошли мы къ Вейскирхену, лежащему у подошвы. Неизвѣстно было, занять ли городъ Французами или еще нѣть; отъ этого зависѣло наше спасеніе. Къ намъ присоединились патронные и казенные ящики разныхъ полковъ. Фельдфебель и нѣсколько человѣкъ солдатъ Московского гренадерскаго полка вызвались спуститься въ городъ. Выстрѣльѣ былъ условленный знакъ, что непріятель встрѣтѣнъ въ городѣ. Тронутый самоотверженіемъ ихъ, я пошелъ съ ними. Французовъ еще не было; ихъ ждали каждую минуту. Покуда отрядъ спускался съ горъ, мы пошли въ ратушу, чтобы вы требовать для него продовольствіе. Несмотря на чрезвычайныя обстоятельства,

мы нашли чиновниковъ по мѣстамъ, пишущихъ каждый на своемъ столѣ, какъ въ спокойное время. Не безъ шума и угрозъ могли мы получить требуемое, помимо соблюденія медленныхъ формъ, которыя бы насть задержали и предали непріятелю. Здѣсь въ первый разъ пораженъ я былъ отличительной чертой Нѣмецкаго характера, который флегматически слѣдуетъ привычному порядку, хотя бы это было и въ пользу непріятеля. Но эта черта имѣетъ свою сторону глубокую и почтенную, какъ все то, что означеновано добросовѣстнымъ исполненіемъ своего долга. У насъ, въ 1812-мъ году, народный характеръ, сообразно съ волею правительства, обнаружился иначе: съ приближеніемъ непріятеля, не только всѣ дѣла, но можно сказать, общественный быть прекращался; правительственный мѣста и частные люди, всѣ одинаково дѣйствовали, всѣ оставляли мѣсто, освѣренное непріятелемъ. Здѣсь — духъ народного величия, тамъ — навыкъ прочаго, ежедневнаго порядка.

Только что опасеніе попасть въ пѣнь миновало, какъ страхъ отвѣтственности и стыдъ такого неудачнаго исполненія первого порученія мнѣ сдѣланаго, овладѣлъ мною и не оставлялъ меня до самой минуты присоединенія къ арміи, кажется, въ Біалѣ, въ Галиціи. Пристиженій явился я къ начальнику нашей артиллериі Рѣзвому, который принялъ меня весело и благосклонно, послѣшивъ успокоить тѣмъ, что всѣ палубы артиллериі брошены въ горахъ. Меня перевели въ другую роту, къ Федору Максимовичу Шульману. Здѣсь я пошалъ, чтѣ нѣрѣдко бываетъ въ артиллериі, какъ въ доброе семейство.

Армія отступила въ свои границы и нашей ротѣ достались зимнія квар-

тиры между Устьлугомъ и Владиміромъ на Волынѣ.

Такъ кончилась первая моя кампания, однимъ походомъ, но все пѣшкомъ, чтѣ въ мои лѣта и въ глубокую осень, и отчасти зимой, было довольно уже тяжело. Подвигъ Милорадовича подъ Кремсомъ и Багратиона подъ Амштедтсномъ, предметъ нашихъ разговоровъ во время отдыха, были для меня лучшія образовательныя впечатлѣнія этого времени.

Непонятно изгладилось въ памяти моей все бывшее со мною въ 1806-мъ году, кроме двухъ обстоятельствъ. Въ это время встрѣтился я съ капитаномъ артиллериі Федоромъ Самойловичемъ Андерсомъ*. Тридцать два года прошло послѣ того, и никогда, во все это время, не встрѣтиль я человѣка столь совершенно доброго и чистаго. Онъ почтилъ меня своею отеческою пріязнью и оставилъ на всю жизнь глубокое впечатлѣніе въ умѣ и сердцѣ

* См. выше стр. 420. Въ отдѣльныхъ замѣткахъ автора встрѣтились намъ слѣдующія строки, посвященные Андерсу и писанные въ 1814 году.

Уже наступилъ третій годъ, какъ Провидѣнію угодно было разлучить меня съ тобою, другъ единственный, человѣкъ неподражаемый, разлучить смертью. Первая вѣсть, по возвращенію моему въ Отечество, была смерть твоя, и жизнь стала для меня медленною смертію. Великая святая брань, на которую Отечество призывало всѣхъ сыновъ своихъ, воскресила меня. Съ твоимъ образомъ, ствонимъ примѣромъ въ душѣ, послѣшиль я стать въ ряды защитниковъ его. Смерть не могла имѣть для меня ничего страшнаго. Пожрать въ пятъ мѣсяціевъ полчища, которыхъ силы потомство почетъ бансловыми, населивъ первые Русскіе города вмѣсто жителей трупами, она не коснулась мнѣ во многихъ битвахъ, где свирѣствовала неслыханно. Я видѣлъ Москву опустѣлую

моемъ. Онъ заставилъ меня продолжать слишкомъ рано прерванное умственное мое воспитаніе и доставилъ на то средства. Примѣръ неистощимой кротости наложилъ первую добровольную узду на запальчивость моего характера. Кругъ его дѣйствій и его извѣстность были весьма ограничены, но въ этомъ кругу онъ пользовался общимъ и замѣтнымъ уваженіемъ. Его главныя достоинства состояли въ чистой душѣ, здравомъ смыслѣ и, вѣрно, въ глубокомъ чувствѣ религіи, безъ котораго подобная жизнь ежедневнаго самоотверженія непостижима. Спокойствіе святости не оставляло почти никогда его благороднаго лица. Наружныхъ изъянъ набожности я не замѣтилъ. Причиною этому могло быть Лютеранскоѣ броученіе, которому онъ принадлежалъ, менѣе другихъ облеченнѣе въ наружныя формы. Онъ долго начальствовалъ ротой артиллериі и умеръ послѣ жестокихъ страданій отъ раны, полученной при штурмѣ Ловчи, въ Булгаріи, уже въ срединѣ города, при разбитіи воротъ мечети, въ которой замерлись не хотѣвшіе сдаться Турки. Это было въ 1811-мъ году. Я былъ тогда въ Германіи и только по возвращенію въ Петербургъ узналъ объ

какъ душу мою при извѣстіи о смерти твой; палаты ея, красу и гордость Россіи, безмолвныя какъ безчисленныя колокола церквей ея. Перстъ смерти коснулся ея, и житель Москвы, облеченный въ броню, прошелъ въ глубокомъ молчаніи по безмолвнымъ стогнамъ ея, бросилъ посѣтій взоръ на бездымные ея кровы, и вскорѣ одно кровавое пламя, раздирая облака, освѣтило ночное, мистическое его шествіе. Само Провидѣніе было вождемъ нашимъ. Германецъ возсталъ и разорвалъ щипы свои. Самыя побѣды вели къ одной гибели строптиваго непріятеля, и столица его, тщетно раздѣленная многими царствами отъ цепи Москвы, урѣла въ стѣнахъ своихъ ея мстителей.

этомъ. Ничѣмъ и никогда въ постѣдствіи я не былъ пораженъ горестиѣ. Прошу для васъ у Неба, дѣти мои, какъ величайшей милости, встрѣчи съ подобнымъ человѣкомъ на предстоящемъ вамъ пути жизни и такого же къ вамъ отъ него отеческаго попеченія въ неопытные ваши годы.

Второе событіе этого года было первое мое сраженіе. Это было 14-го Декабря, подъ Голоминъ. Тяжелые переходы по ужасной слякоти, которую Наполеонъ тогда назвалъ пятою стихіей въ Польшѣ, стоили нашей арміи потери множества орудій, зарядныхъ ящиковъ и всякаго рода обоза. Полутора изъ 6-ти орудій, въ которой я служилъ, была подъ начальствомъ по ручику Викторова и состояла при Владимирскомъ пѣхотномъ полку. Мы никакъ не хотѣли бросить ни одного орудія на отступательномъ движениіи изъ Цѣханова къ Голомину и день и ночь трудились, припрѣгая поочередно по нѣскольку упряжекъ подъ одно орудіе. Но непріятель настъ опередилъ, и мы получили рѣшительное повелѣніе спѣшить, съ тѣми орудіями, которыя успѣхъ вытащить, бросивъ остальныхъ. Два оставлены въ грязи. Полкъ уже былъ въ огнѣ. Намъ досталось стоять на твердомъ грунтѣ, но въ водѣ отъ безпрерывныхъ дождей. И это показалось отыхомъ послѣ тяжелой грязи, по всей дорогѣ. Мы отразили всѣ кавалерійскія аттаки непріятеля, но залегши въ кустахъ стрѣлки переранили почти всѣхъ людей около моихъ орудій. Миѣ дали въ помощь людей изъ пѣхоты. Скоро наступила ночь и, казалось, прекратила сраженіе. Темнота была необыкновенная; но часть сцены была освѣщена пожаромъ большаго сарая, передъ фронтомъ лежавшаго, который мы захватили во время

дѣла. Сквозь пламя можно было замѣтить стрѣлковъ непріятельскихъ, спѣшившихъ къ Голомину (чрезъ который намъ предстояло отступить) съ намѣреніемъ опередить насъ. Несмотря на то, мы вошли въ главную улицу селенія безъ всякой предосторожности. Внезапно, изо всѣхъ домовъ съ правой стороны, полетѣлъ въ настъ градъ пуль. Баталіоны, между которыми я шелъ, бросились вѣтвь, чрезъ плетни и, всѣми оставленными, какимъ-то чудомъ, мои орудія, едва таща на рабеныхъ лошадяхъ, вышли, благодаря темнотѣ, за деревню. Викторовъ, позади шедшій, былъ тяжело раненъ и съ орудіями взяты въ пленъ. Не зная того, я, вышедши за деревню, приказалъ своимъ орудіямъ тащиться, какъ могутъ, до полка; а самъ, выбившись изъ силъ, бѣзъ лошади, которая была убита, рѣшился дождаться Викторова, чтобы сѣсть на одну изъ выпряженныхъ отъ брошенныхъ орудій, а въ случаѣ нужды, хотя на лафетъ. Такъ я остался одинъ. Скоро къ ружейному огню въ деревнѣ присоединился и пушечный. Тогда только пришло мнѣ внезапно въ голову, что я самъ — чудесно спасенный, Викторовъ же по всей вѣроятности попалъ въ руки Французовъ. Каждая потерянная минута и меня тому же подвергала. Я рѣшился идти далѣѣ искать своихъ; но грязь была такъ густа и глубока, что сапоги увязали въ ней; вытащивъ ихъ и перекинувъ за плечо, я продолжалъ идти босой. Наконецъ, истощенный усталостью и голодомъ, почти въ безпамятствѣ, вѣтъ я на брошенную походную кузницу и заснула. Долго миѧ спала, не знаю; близкіе ружейные выстрѣлы меня разбудили. Недалеко отъ дороги тянулась какая-то конница. Я рѣшился подать голосъ. Ко мнѣ подѣхали нѣсколько человѣкъ. Это бы-

ли казаки. Они подвели мнѣ заводную лошадь. Имъ обязанъ я спасеніемъ отъ плены. — Мы шли цѣлую ночь и, подошедшіи на разевѣтъ къ Макову, увидѣли напротивъ армію на позиціи и въ то же время Французскія колонны съ другой стороны приближавшіяся къ мосту, за которымъ на высотѣ стояла наша батарея. Рысью перѣхалъ я мостъ, узналъ роту Андерса и въ ту же минуту былъ въ его объятияхъ. — Я остановился на этомъ происшествіи, потому что въ жизни моей, обильной трудами и невзгодами всякаго рода, я никогда не доходилъ до такого крайняго изнеможенія и не былъ такъ близокъ къ тому, чтобы пасть еще на порогѣ моего начатаго поприща.

Чрезъ шесть недѣль послѣ того, 27-го Генваря — сраженіе подъ Прейсинъ-Эйлау, первый угрозительный знакъ Провидѣнія Наполеону. Въ другомъ мѣстѣ найдете описание этой исполинской битвы. Здѣсь ограничусь точкою, на которую судьба опредѣлила мнѣ дѣйствовать. Я былъ уже одинъ, артиллерійскій офицеръ съ двумя орудіями, по прежнему при Владимирскомъ полку, въ корпусѣ Дохтурова, почти въ центрѣ арміи. На нашу долю досталась одна изъ колоннъ маршала Ожера, котораго корпусъ уничтожѣнъ въ этомъ побоищѣ. Это было въ первомъ часу; сильная выюга ослѣпила намъ глаза снѣгомъ. Вдругъ стихло, и прямо противъ моихъ иушекъ, не болѣе какъ въ 30-ти шагахъ, мы увидѣли колонну Французовъ, повидимому также изумленныхъ неожиданно близостю стройного нашего фронта. Орудія мои были прежде заряжены картечью, которыхъ у меня всего оставалось по пяти на орудіе, а ядеръ не оставалось ни одного. Страшно было ихъ дѣйствовать на столь близкаго непріятеля. Колонна приняла направо и ки-

лилъ мнѣ нѣсколько зарядовъ, онъ указалъ мнѣ въ сторонѣ за фронтомъ мѣсто, гдѣ найду ихъ, раскиданные по землѣ, сколько угодно, прибавивъ, что и онъ ими укомплектовался. Я послѣшилъ туда и дѣйствительно нашелъ ихъ разбросанныхъ столько, что наполнилъ свои ящики, и передки, и суммы. Кому обязанъ я былъ этой услугой, узнать не случилось. Присоединившись къ полку, я нашелъ его подъ ужаснымъ огнемъ цѣлой линіи батарей, сосредоточенныхъ противъ лѣваго нашего центра, вѣроятно для остановленія послѣдствій отъ пораженія корпуса Ожеро.

*

(Писано въ Декабрѣ 1845 года).

Восемь лѣтъ прошло послѣ предшествующаго слова, и какихъ лѣтъ!—Вызовъ въ Петербургъ, лестный пріемъ Государа и его семейства, отправленіе командующимъ войсками на Кавказъ, съ гражданской властью въ области, пламенная дѣятельность въ трудахъ военныхъ и гражданскихъ, означенованная сперва военными успѣхами, общее вниманіе на себя обратившимися и имѣвшими съ тѣмъ, какъ водится, зависть возбудившими. Ею-то, безъ сомнѣнія, остановлены поощренія подчиненнымъ, безъ которыхъ утомляется рвение; поисками ея полномочіе, высшую властью мнѣ дарованное, встрѣтило всѣ препятствія, которыя злонамѣренность помраченного начальника, душа невысокой, могла изобрѣсть, чтобы остановить и испортить рядъ успѣховъ, для него самого полезныхъ, но ему ненавистныхъ. Страшное положеніе семейства вслѣдствіе нервической болѣзни жены, начавшейся въ Ставрополѣ, усилившейся

въ Петербургѣ и заставившей меня просить письмомъ Государа увольненія отъ начальства на Кавказѣ; пребываніе въ Петербургѣ, мало по малу стирающее съ меня всякий признакъ значенія между людьми; отѣздъ въ Малоросію, сперва мой, потомъ и семейства; пребываніе въ Кіевѣ, побѣдка въ Варшаву, въ Петербургѣ и наконецъ удаленіе сюда, въ тишину уединенія, гдѣ могу снова приняться за трудъ, восемь лѣтъ тому прерванный.

Возьмемъ же опять оставленную читать прошедшаго и постараемся дойти съ нею до настоящаго.

Прейсишъ-Эйлауское сраженіе доставило мнѣ золотой крестъ, теперь уже рѣдкій, въ память этого славнаго для Россіи дня установленный; за Голоминъ я получилъ Анну 3-й степени на шпагу. Я не могъ ни по чину, ни по лѣтамъ оставаться начальникомъ полуводы. Въ новомъ начальникѣ, капитанѣ Людвигѣ, я нашелъ человѣка добраго, благороднаго, безстрашнаго, но къ несчастию преданнаго страсти къ вину. И въ этомъ положеніи онъ былъ со мною кротокъ и любезенъ.—Весна застала настъ въ окрестностяхъ Прусского городка Мельзака. 24-го Мая мы выступили вслѣдствіе общаго наступательного движенія къ Пассаргѣ. Корпусу Дохтурова досталась аттака противъ Сульта въ Ломмитенѣ. Она только отчасти достигла своей цѣли: прогнать Французовъ, послѣ продолжительнаго и беспорядочнаго боя, за Пассаргу. Намъ было немногого дѣла. На противѣ, рота Аnderса, выдвинутая къ переправѣ непріятельской, была поджестокимъ перекрестнымъ огнемъ Французскихъ батарей, закрытыхъ и командовавшихъ ею. Половина его орудій была подбита; множество людей на батареѣ переоинто и переранено; изъ

офицеровъ остался онъ одинъ. Почти праздный на своемъ посту и видя его положеніе, я побѣхъ къ нему. Онъ не прежде успокоился, пока и просыбами, и властию не заставилъ меня возвратиться къ своему мѣсту. Но я имѣлъ время унести съ собою впечатлѣніе совершеннаго хладнокровія и самой кроткой распорядительности среди адскаго, разрушительнаго огня. По возвращеніи къ моей полуводѣ на позицію, подѣхъ къ намъ генераль-маорѣ Пассекъ * и именемъ генерала Дохтурова требовалъ офицера, для сопровожденія его въ рекогносцировкѣ, ему порученной. Онъ пригласилъ меня. Мы подѣхали къ самому берегу Пассарги, за которой стояли Французы, не стрѣлявшіе однако по настъ и, осмотрѣвшись, возвратились. Отправляемъ меня къ мѣсту, генераль-маорѣ Пассекъ объявилъ мнѣ, что я представлена буду ко Владимиру. „Благодарю, ваше превосходительство, отѣчъ я ему, за благорасположеніе, но не приму награды, не заслуживъ еще ея.“ Упоминаю объ этомъ по двумъ причинамъ: память этого случая впослѣдствіи связала настъ тѣснѣшую дружбою до смерти его; во вторыхъ, чтобы показать, какія чувства, не мнѣ одному принадлежавшія, наполнили души поколѣнія, обреченнаго отстоять Россію противъ Наполеона и Европы.

Наступленіемъ 24-го Мая мы разбудили отдыхавшаго льва. Гутштадтское дѣло, затѣмъ послѣдовавшее, я видѣлъ, почти не участвовавъ въ немъ. Отступивъ къ Гейльсбергу, я получилъ приказаніе явиться къ начальнику всей артиллеріи Рѣзвому и находиться при немъ. Армія заняла прежде приготов-

* Петръ Петровичъ Пассекъ, единственный сынъ Екатерининского пособника, Петра Богдановича.

П. Б.

ленную укрѣпленную позицію. Это кровопролитное сраженіе, въ которомъ Французы въ бѣшеныхъ нападеніяхъ наполнили рвы нашихъ редутовъ своимъ тѣлами и вездѣ были отражены, представлено Наполеономъ въ его библетеняхъ маловажною ошибкою. Часто посылаемый Рѣзвымъ, я видѣлъ его главнѣйшіе моменты на важныхъ точкахъ. Обстоятельство мало известное, котораго я былъ свидѣтелемъ, имѣло, вѣроятно, много вліянія на ходъ сраженія, могшаго имѣть другія послѣдствія. Главнокомандующій генераль-Бенигсенъ, подъ конецъ дѣла, вездѣ успѣшнаго, упалъ въ обморокъ отъ истощенія, и армія осталась безъ управления, не зная того и довольствуясь отраженіемъ нападеній. Старшій по немъ, генераль-Кологривовъ имѣлъ благоразуміе отказаться отъ командованія; принялъ его генераль-Горчаковъ. Мы не только отстояли поле сраженія, но оставались на немъ и часть слѣдующаго дня.

Движеніе корпуса Французовъ на Кенигсбергъ принудило насъ къ отступленію. Я отпросился опять къ своей ротѣ при Владимировскомъ полку. Адъютантская служба не понравиась мнѣ, и этотъ первый опытъ оставилъ мнѣ упрекъ, можетъ быть страннѣй, но тогданимъ моимъ лѣтамъ свойственный. Свободный по роду полученныхъ приказаний щѣхать почти куда хотѣлъ, по невозможности быть въ одно время вездѣ, гдѣ сильнѣе горѣло сраженіе, я упрекалъ себя въ томъ, что, имѣя выборъ, дѣятельности, я находясь не тамъ гдѣ опаснѣе, между тѣмъ какъ, если занималъ положительное мѣсто въ строю, можно спокойно ожидать, какую роль обстоятельства сами назначаютъ каждому въ происшествіяхъ дня, имѣя товарищѣй и знакомыхъ лица соревнователями и свидѣтелями.

Въ послѣдовавшемъ вскорѣ затѣмъ Фридландскомъ сраженіи я былъ уже въ линіи при Владимирскомъ полку. Мы стояли на правомъ флангѣ арміи. Пораженіе нашего лѣваго фланга, увлекшее съ собою и главнокомандующаго, сожженіе моста на Аллѣ, оставило насъ безъ приказаний и въ критическомъ положеніи. Непріятель, нѣсколько разъ съ урономъ отраженный, быть можетъ утомленный самою побѣдою и полагавшій насъ безъ переправы, отложилъ, кажется, наше истребленіе до утра; но мы нашли бродъ, хотя глубокій, и около полуночи перешли и соединились съ разбитою арміею. При этомъ я едва не утонулъ. Драгунъ, посадившій меня сзади на круизъ своей лошади, былъ пьянъ, не попалъ на бродъ и на приготовленный подъемъ на берегу. Въ памяти осталась у меня бѣдная моя верховая лошадь. Во время сраженія, когда я слѣзъ съ нея, ядромъ пронзило ее насквозь, перервавъ подпруги и одно пугтище. Долго пролежавъ, она встала и, не смотря на висѣвшія наружу внутренности, пошла за орудіями и проводила насъ до самой переправы.

Это было послѣднее сраженіе войны и кампаніи 1807 года. Ограничиваюсь личными воспоминаніями, я не имѣлъ въ виду исторического и военного описанія этой эпохи, въ общей исторіи Европы и особенной Наполеона столъ важное мѣсто занимавшей. Примѣчательныя дарованія приняли на себя этотъ великий трудъ. Записки Наполеона, образцовая во многихъ отношеніяхъ, а тѣмъ болѣе блестящіе его, нужно читать съ осторожностью и недовѣрчивостью. Хотя еще неосправдимо побѣдитель въ общихъ послѣствіяхъ, онъ уже оправдывается и частные неудачи выставляются, какъ успѣхи.

* Лгать какъ извѣстие съ боеваго поля:

Mentir comme un bulletin *, ввели въ пословицу сами Французы. Г-нъ Жомини, въ стратегическомъ отношеніи, превосходно описалъ кампаніи Наполеона; но этого еще не довольно тамъ, гдѣ всѣ самыя пламенные страсти возбуждены были въ цѣлыхъ народахъ и отражались особенно на арміяхъ. Европа, хотя обязанныя Россіи своимъ освобожденіемъ послѣ похода 1812-го года, неохотно платила ей дань признательности, и писатели ей не отдавали должной справедливости дѣйствіямъ ея войскъ. Часть ихъ описана иногда успѣшно Русскимъ военнымъ писателемъ г. Михайловскимъ - Данилевскимъ. Ясность — главное его достоинство, но не единственное. Ему открыты всѣ архивы государственные и даже секретные материалы, въ кабинетѣ Императора Александра найденные. Преткновеніе для его (неоспоримаго въ этомъ дѣлѣ) дарованія есть пристрастіе къ лицамъ, пользующимся въ настоящее время значеніемъ, какъ ничтожны бы ни были они во время описываемыхъ имъ происшествій. Этотъ человѣкъ, души невозвышенной (чтобы не употребить выраженія болѣе строгаго) не оставилъ сомнѣнія о томъ ни въ одномъ изъ положенийъ своей жизни; но въ описаніяхъ своихъ, где касалось военной славы Россіи, согрѣвался иногда жаромъ неподѣльнымъ и отдавалъ справедливость и тѣмъ, отъ которыхъ не могъ уже ничего ожидать. Онъ занять теперь походомъ 1806-го и 1807-го годовъ.

Отступленіе отъ Фридланда до Тильзита, хотя безъ сильного преслѣдованія, показало однако всѣ слѣды послѣдняго несчастнаго сраженія и прежнихъ потерь. Порядокъ съ трудомъ восстановился. Переговоры о переми-

ріи немедленно начаты, и Императоръ Александръ самъ прибылъ къ арміи послѣ переправы на правый берегъ Нѣмана. Я не былъ свидѣтелемъ свиданія Наполеона съ Александромъ на паромѣ, среди рѣки. Отдаленіе и усталость удержали меня при полку. По заключеніи Тильзитскаго трактата, вѣроятно необходимаго, но глубоко оскорбившаго Россію, * армія разошлась по квартирамъ. Намъ досталось на Волыни мѣстечко Полонинъ; бригадная квартира въ мѣстечкѣ Лобарѣ. Вмѣсто полковъ, артиллерія была раздѣлена на бригады, и нашей достался въ начальники А. П. Ермоловъ, не задолго передъ тѣмъ произведенный въ генеральмаоры.

Здѣсь воспоминанія мои носятъ на себѣ отливы чего то семейнаго. Я живъ съ Андерсономъ. Занятія мои, благодаря его отеческому вниманію, сдѣлались правильнѣе и настойчивѣе. Изученіе иностраннѣхъ языковъ, въ корпусѣ неуспѣшнаго, заняло меня особенно. Скромная жизнь и это прileженіе вѣроятно обратили на меня вниманіе и возводили ко мнѣ участіе Ермолова. Изъ бригады потребованъ былъ офицеръ для узнанія порядка службы въ Петербургѣ. Выбрали меня, и Андерсъ отправилъ меня, какъ отправляютъ сына изъ отеческаго дома.

Эта поѣздка была дѣломъ Провидѣнія. Третій годъ проходилъ отъ выпуска моего въ офицеры, но это время прошло въ войнѣ и походахъ, не допускавшихъ переписки съ родными. Въ Петербургѣ я оставилъ мать, брата Петра и четырехъ сестеръ, которыхъ съ нетерпѣніемъ желалъ увидѣть. Но что я нашелъ!

* Чокойный А. С. Хомяковъ передавалъ намъ, что послѣ Тильзитскаго мира въ народѣ меньше стали пѣть пѣсень. П. Б.

Время и смерть давно закрыли эту страницу жизни, темную, страшную, почти унизительную, и можно было бы оставить ее не раскрывая, забытую; но двѣ причины, послѣ нѣсколькихъ дней недоумѣнія, побудили меня выставить вамъ и эту картину страданій первыхъ лѣтъ资料 отца. Первая причина, вызвавшая меня оживить это горькое воспоминаніе, было желаніе, даже долгъ не умолчать о рѣдкомъ самоотверженіи, которому подобного я не знаю. И вторая, представить вамъ примѣръ, изъ какихъ положеній, если не предаваться отчаянію и, положась на Провидѣніе, действовать съ твердостію, можно выйти съ честью.

Мать свою я засталъ въ Обуховской больнице умилишеннѣхъ. Узнавъ объ этомъ, въ первомъ негодованіи и огорченіи, я кинулся къ дядѣ моему, родному ея брату, Густаву Ивановичу Г., генералу по морскому вѣдомству, съ упреками и угрозами, почему онъ допустилъ до подобнаго уничиженія, не уведомивъ меня. Онъ мнѣ описалъ состояніе умственнаго здоровья матери моей какъ безнадежное, опасное подъ частнымъ надзоромъ, рѣдко достаточнѣе, и свое собственное стѣсненное положеніе: все это съ видимымъ замѣшательствомъ, не ожидавъ вѣроятно, чтобы кто либо изъ сыновей, по молодости, неопытности, и заброшенныхъ въ арміи, могъ явиться на помощь къ своей матери и къ стыду роднаго ея брата. Покрывъ его глубокимъ презрѣніемъ, я отправилъ въ больницу. Меня ввели въ общую комнату, гдѣ окружили меня съ полсотни несчастныхъ женщинъ, которыхъ кровати стояли около стѣнъ тутъ же. Они съ любопытствомъ, нѣкоторыя безумными, другія почти на глыбь, тѣснились вокругъ молодаго, тогда семнадцатилѣтнаго, щеголеватаго офицера. Изъ среды ихъ, мать моя,

вызванная, посмотрѣвъ на меня внимательно, бросилась съ воплемъ и слезами ко мнѣ на шею. Она узнала меня. Эта сцена произвела на минуту впечатлѣніе на всѣхъ присутствующихъ. Всѣ съ невольнимъ уваженіемъ нѣсколько отступили, смотрѣли на насъ съ видимымъ участіемъ и утихли. Я разспрашивалъ свою мать сперва съ осторожностию; она отвѣтала разсудительно, со всегдашнею ея кротостію, съ любопытствомъ о моей судьбѣ и только изъявляла свое удивленіе безъ негодованія, почему она здѣсь, не у себя, между страшными больными, когда у нея есть братъ и спросила, чѣмъ я намѣренъ дѣлать. Успокоивъ ее обѣщаніемъ, что, не теряя ни минуты, приступилъ къ ея избавленію, съ скатымъ сердцемъ и пылающею головою, я спросилъ главнаго смотрителя. Меня отвели къ доктору Елизену. Онъ принялъ меня съ участіемъ и объяснилъ мнѣ, что мать моя по временамъ только впадаетъ въ ипохондрию, тихую, ни для кого не опасную, привезена въ больницу своимъ братомъ, описавшимъ ее какъ опасную больную и оставившимъ ее безъ всякаго пособія. Я требовалъ, чтобы мнѣ ее сейчасъ выдали; но докторъ объяснилъ мнѣ, что безъ разрѣшенія вдовствующей Императрицы Маріи Феодоровны, принимающей въ матері моей участіе, этого сдѣлать нельзя и чтобы я обратился къ статѣ-секретарю Вилламову. Не заставъ его дома, я побѣжалъ къ директору Воспитательного Дома барону Гревеницу, гдѣ нашелъ, какъ въ немъ, такъ и въ женѣ его, урожденной княгинѣ Воронецкой, полное и искреннее участіе. Съ письмомъ отъ нихъ, на слѣдующее утро я побѣжалъ къ Вилламову. Онъ принялъ меня въ кабинетѣ и, въ мою выгоду предупрежденный, вѣроятно мо-

ю нѣжною молодостію и положеніемъ тронутый, обѣщалъ въ теченіе дня доложить Императрицѣ, прося пріѣхать къ нему на другой день для получения отвѣта.

Я пріѣхалъ къ нему рано. Вилламовъ принялъ меня съ довольнымъ лицемъ, показалъ мнѣ собственную записку Государыни карандашемъ, въ которомъ, выхваляя поступокъ сына, разрѣшаетъ отдать ему мать и назначаетъ ей пятьсотъ рублей пенсіи. Снабженный предписаниемъ въ больницу, я нанялъ карету и побѣжалъ туда. Не стану описывать радость матери и мои собственныхъ чувствъ. Но забота моя не кончилась. Куда же везти? Я не имѣлъ особенной квартиры, а остановился съ двумя товарищами, артиллеристами въ двухъ небольшихъ комнатахъ, гдѣ жили артелью, общими средствами. Не задумываясь, я повезъ ее къ моему Голоминскому начальнику и приятелю Викторову, женатому, гдѣ настѣнно припяли какъ дома и гдѣ рѣшено было оставить на ихъ попеченіе матушку. Здѣсь должно обратиться назадъ, чтобы объяснить причину моей довѣренности и такого великодушнаго рѣдкаго предложенія съ ихъ стороны.

Послѣ Голоминского сраженія, гдѣ Викторовъ оставленъ былъ за убитаго подъ своею лошадью, также убитою, я остался одинъ съ остальными двумя отъ шести орудій. Началось слѣдствіе, отъ чего до сраженія оставлены были въ грязи два орудія и съ трудомъ носили къ дѣлу остальные. Командиръ Владимирскаго пѣхотнаго полка полк. Бенардосъ, при которомъ и на отвѣтственности и продовольствіи资料 of which were used to create this document. The original document is available at the following URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/1/pg1.html>

недовольно продовольствовалъ артиллерийскихъ лошадей, на что ему были имѣніе отпущены деньги. Уважая память храбраго товарища, я не согласился на это, не смотря ни на убѣжденія, ни угрозы, а показалъ, что необыкновенная грязь и безпрерывный походъ, причины всѣмъ извѣстныя, довели до потери орудій. На угрозы я отвѣчалъ, что скорѣе докажу, что полковникъ не давалъ ему достаточныхъ способовъ на поддержаніе лошадей въ трудномъ походѣ. На этомъ и осталось. Вотъ другое обстоятельство. Солдатская артельная деньги, сумма довольно значительная, съ Викторовымъ пропали. Я показалъ ихъ пропавшими при взрывѣ ящиковъ въ сраженіи, изъ которыхъ въ одномъ хранились всѣ деньги, по неимѣнію казеннаго ящика въ этой полуротѣ. Мое показаніе было принято, и деньги изъ казны возвращены. Такъ окончены были два эти дѣла, все въ увѣренности, что Викторовъ убитъ. По возвращеніи, послѣ Тильзитскаго міра въ свои границы, въ Полонное на Волыни, однажды когда я игралъ съ Андерсономъ въ пики, послѣ обѣда, вдругъ отворилась дверь и на порогѣ остановился Викторовъ на костыляхъ, безъ одной ноги. Выѣхѣть съ восхищеніемъ, что вижу его, будто изъ мертвыхъ возставшаго, прошелъ чрезъ душу мысль о счастливыхъ для него послѣдствіяхъ отъ моего вышеобъясненнаго поступка. И это наиболѣе занимало. Узнавъ отъ меня всѣ подробности дѣла, онъ предался всей своей радости. Случившееся съ нимъ было ужасно. Картечнымъ выстрѣломъ, на разстояніи несколькиихъ шаговъ, онъ былъ опрокинутъ съ лошадью. Правая нога была ниже колѣна раздроблена; кроме того еще две раны, одна въ плечо, другая въ ляжку. Такъ онъ остался всю эту

страшную ночь подъ лошадью, въ глубокой грязи Голоминской улицы. На утро подошли Баварцы, вытащили его изъ подъ лошади, обобрали, и одинъ изъ нихъ стала тащить съ него сафоги съ раздробленной ноги. Страшная боль отъ вытянутыхъ жилъ возвратила ему чувства. Онъ умолялъ, чтобы его убили. Проходившій мимо Французскій гренадеръ отогналъ Баварцевъ; его подобрали, положили въ домѣ, потомъ отправили на телегѣ въ Варшаву, и тамъ уже, черезъ 4 недѣли послѣ полученной раны, отрѣзали ему ногу. Онъ все выдержалъ. Нѣжная заботливость дочери хозяина, у которого онъ былъ помѣщикъ, много способствовала его выздоровленію. Изъ благодарности онъ женился на ней и по заключеніи мира возвратился въ Россію къ своей бригадѣ. Я пропустилъ въ свое мѣсто сказать, что когда его обшаривали Баварцы и взяли все, что пашли, никто изъ нихъ не догадался пощупать бокового кармана въ рейтутахъ, не виднаго подъ запекшуюся кровью и облитаго еще свѣжею. Такимъ образомъ у него осталась значительная сумма, много потому способствовавшая облегченію его положенія. Въ его новомъ положеніи, безногому и женатому, въ арміи нечего было дѣлать. Онъ отправился въ Петербургъ для пріисканія себѣ мѣста.

Къ этому-то добруму человѣку и къ его женѣ, столько же доброй, привезъ я свою бѣдную мать, которую они приняли какъ родную и сами просили оставить у нихъ, обнадѣживая, что пенсиона ея достаточно будто для ея содержанія, безъ всякаго для нихъ стѣсненія. Однажды Г. И. Г-ѣ, послѣ его поступка, нечего было и думать. Мать моя осталась у нихъ. Должно прибавить, что Викторовъ еще былъ, безъ мѣста и самъ съ женою съ тру-

домъ перебивался. Обращеніе ихъ съ больною было нѣжное и заботливое, какъ съ собственнюю матерью. И это продолжалась около трехъ лѣтъ. Не могу и пыныѣ придумать подвига дружеской преданности выше и труднѣе этого.

Окончч здѣсь все, что относится до моей матери. Она прожила еще двадцать лѣтъ послѣ этого, всегда тихая, ласковая, нѣжная къ своимъ дѣтямъ и, прожила послѣ дома Викторовыхъ нѣсколько лѣтъ у младшаго брата Петра по выпускѣ его въ офицеры и скорой потомъ женильбѣ, потомъ у меня, сперва въ Полошкахъ Черниговск. губ., а потомъ въ Тростянецѣ Полтавской губерніи; наконецъ, въ 1828 году, когда я выступилъ въ Турецкій походъ, старшій мой братъ Карлъ взялъ ее къ себѣ въ Могилевъ на Днѣптръ, где онъ былъ окружнымъ начальникомъ таможенъ. Въ томъ же году матушка тихо скончалась.

Уроки изъ этого грустнаго разсказа сами извлечете.

Между тѣмъ я явился къ начальнику гвардейской артиллеріи ген. майору Эйлеру, отъ котораго зависѣла собранная отъ всей артиллеріи учебная команда. Онъ принялъ меня чрезвычайно обязательно. Человѣкъ добрый, вѣжливый, хороший теоретикъ и строевой по артиллеріи, онъ былъ плохой военный въ сраженіи, и подъ Фридландомъ, где гвардейская артиллерія (на которую впрочемъ былъ обращенъ главный огонь рѣшительной атаки маршала Нейя) вела себя не отлично, Эйлеръ при этомъ случаѣ имѣлъ непрятную встречу съ Ермоловымъ, который безуспѣшно старался остановить бѣжавшія батареи гвардейской артиллеріи. Но за то, когда послѣ сраженія, это обстоятельство сдѣлалось извѣстнымъ и потребовало отъ Ермо-

лова объясненія о происшедшемъ, онъ благородно отвѣчалъ, что, исполнивъ свой долгъ, послѣ дѣла доносчикомъ быть не хочетъ. Такъ это было замято. Офицеръ бригады Ермолова не могъ быть Эйлеромъ дурно принять.

На этотъ разъ жизнь моя въ Петербургѣ была жизнь маленькаго офицера. Небольшую квартиру свою раздѣлялъ я съ двумя товарищами на общемъ иждивеніи, безъ особеннаго разсчета. У кого случались деньги, тотъ и платилъ. Одинъ изъ нихъ кап. Са-нъ, другой поручикъ Пихельштейнъ. Первый лѣтами обоихъ настъ старѣе, но не поведеніемъ. Раза два онъ поставилъ меня въ особенное затрудненіе. Вообще онъ предпочиталъ пуншъ крѣпкій слабому, и подъ вечеръ случалось ему быть въ слишкомъ веселомъ расположеніи. Разъ въ такомъ видѣ предложилъ онъ мнѣ прогуляться. Это было зимой; мы вышли на Невскій проспектъ, по срединѣ которого былъ тогда возвышенный тротуаръ съ покатостью на обѣ стороны (*à dos d'ane*), обсаженный деревьями. Вообще зимой особенно въ гололѣдицу, ходить по немъ было неудобно и скользко. Оставление проспекта было тогда еще ламповое: газу не знали. Са-нъ былъ малаго роста и косолапъ до того, что могъ въ одно время двоимъ подстать ноги, будто ненарочно. Этимъ то онъ вздумалъ забавляться на проспектѣ, и безъ того скользкомъ. Ему точно удалось повалить нѣсколько человѣкъ навстрѣчу шедшихъ. На этотъ разъ обошлось однимъ ругательствомъ. Я свѣль его съ проспекта на улицу и едва прошелъ съ нимъ нѣсколько шаговъ, какъ красивыя сани промчались мимо насъ, и пристяжная, кажется, немногого задѣла головою С-на. Онъ размахнулся въ темнотѣ рукой и полная оплеуха досталась мужчинѣ,

сидѣвшему въ саняхъ съ двумя дамами. Закричали: стой! Мужчина въ бѣшенствѣ, съ пѣною у рта, высокочивъ, кинулся къ С-ну, который пустился бѣжать; но тотъ его догналъ и схватилъ за воротъ. По первому движению, товарищества, я подошелъ къ нимъ и потребовалъ, чтобы незнакомый тотчасъ выпустилъ С-на изъ рукъ, видя, что онъ офицеръ и что онъ можетъ найти удовлетвореніе въ обидѣ. На шумъ стала собираться народъ; подспѣль квартальный офицеръ; С-нъ въ испугѣ молчалъ. Незнакомый въ изступленіи кричалъ и пѣнился; его дамы изъ саней кричали: разбой! Я, хладнокровно и тихо, сказалъ квартальному офицеру, что тутъ умыщеній обиды никакой нѣть; лопадъ толкнула С-на, онъ отъ нея отмахнулся и, быть можетъ, задѣлъ господина; чтобы онъ успокоилъ и удержалъ его, а я отведу С-на. Такъ и сдѣлали. Этотъ отъ страха совершило пропрѣзвился. Я посадилъ его на извозчика, отвѣзъ домой, и остерегался ужеходить съ нимъ гулять. С-на я навсегда потомъ потерялъ изъ виду. Пихельштейнъ далѣе прошелъ со мною по моему пути.

*

(Писано въ 1846 году).

Зима съ 1807-го на 1808 годъ прошла, такъ сказать, въ офицерской жизни. По временамъ видѣлъ я однако и другое общество. Въ домѣ баронессы Гревеницѣ принимали меня съ видимымъ участіемъ. Она была любезная, свѣтская, придворная дама. Моя нѣжная, неиспорченная молодость, кажется, тронула ее. Ей обязанъ я первымъ шагомъ въ свѣтскій кругъ; моя Спартанская неопытность при ея сопровождении стала смягчаться.

Весной мы выступили въ лагерь, и я назначенъ быть лагернымъ адъютантомъ. При первомъ смотрѣ инспектора артиллеріи барона Петра Ивановича Меллера-Закомельскаго, этотъ достойный и умный человѣкъ оказалъ нѣжное ко мнѣ вниманіе, котораго благодѣтельное дѣйствіе я скоро почувствовалъ и въ продолженіе многихъ лѣтъ, до самой кончины его, испытывалъ.

Учебная команда послѣ лагеря была распущена. Не помню, когда и какъ я опять возвратился къ бригадѣ. Здѣсь наступилъ важный день моей жизни: А. П. Ермоловъ взялъ меня къ себѣ въ адъютанты съ переводомъ въ конную артиллерію, въ свою роту.

При этомъ имени я невольно остановился. И теперь, по истеченіи сорока лѣтнаго периода, въ продолженіе котораго Россія сперва должна была отстоять свою цѣлостъ, потомъ двинулась на избавленіе Европы отъ ига Наполеона, наконецъ утвердила свое нынѣшнее могущество, периода, въ которомъ столько людей необходимо должны были возникнуть, обратить на себѣ общее вниманіе, несмотря на то, что некоторые изъ нихъ по званію и значенію роли въ событияхъ займутъ въ исторіи мѣсто гораздо высшее, но въ памяти народной, кромѣ, быть можетъ, Кутузова, ни одинъ не займетъ такого важнаго мѣста. Это тѣмъ замѣчательнѣе, что главнокомандующимъ, кромѣ Грузіи и Кавказа, въ Европейскихъ войнахъ онъ не былъ, хотя народная молва всякий разъ въ трудныхъ обстоятельствахъ предъ всѣми его назначала. Народность его принадлежитъ очарованію, отъ него лично исходившему на все его окружавшее, потому передавалась неодолимо далѣе и незавѣшивъ его, напослѣдокъ распространялась на всю Россію во всѣхъ

зрѣніе къ Французамъ, въ утѣшненіи другихъ собственное иго забывшимъ, послѣ столькихъ страшныхъ жертвъ, принесенныхъ непонятой свободѣ. Помню, что, пробѣгая съ нимъ картины тогдашняго положенія Европы, насищенныхъ и до нелѣпости доходившихъ мѣръ континентальной системы, глубокаго раздраженія умовъ въ Россіи, побѣдами Наполеона надъ арміями не сломленной, затаснаго состоянія Австріи и Пруссіи, я съ юношескимъ, свѣтлымъ, пророческимъ взглядомъ въ будущность предрекалъ близкое паденіе Наполеона чрезъ столкновеніе съ Россіей. Мое уображеніе было такъ сильно, что я съ удивленіемъ и нетерпѣніемъ видѣлъ безнадежность посланника нашего въ предстоявшей, неизбѣжной борьбѣ, и въ жаркихъ спорахъ на благоразумные его доводы въ неодолимомъ преимуществѣ генія надъ генералами обыкновенными, огромной арміи, въ побѣдахъ воспитанной, надъ малочисленной сравнительно и поколебленной, не имѣя чѣмъ возразить, упрекалъ ему, что въ исчислѣніи своемъ онъ забываетъ Россію и Бога мстителя. Позже, послѣ событія, онъ самъ вспомнилъ при встрѣчѣ со мною эти пророческіе порывы.—Въ слѣдующемъ году (1811-мъ) на праздникѣ Французскаго посла, въ Дрезденѣ по случаю рожденія Наполеону сына, Римскаго короля, нашъ посланникъ Ханыковъ, показывая мнѣ иллюминацію, изображавшую полусолнце, прибавилъ: Еще восходящее солнце!—Почему же не заходящее? отвѣчалъ я.—Этотъ отвѣтъ остался у него въ памяти, и въ Дрезденѣ же въ 1813-мъ году онъ мнѣ напомнилъ его. Это обстоятельство подробнѣе гдѣ-то мною описано.

Скоро свысокъ я съ наружнымъ тономъ общества и занялъ въ немъ свое

неважное мѣсто. Дворъ Баварскій былъ ко мнѣ благосклоненъ, посланникъ синихъ и внимателенъ, женщины — привѣтливы. Шиллингъ свѣль меня съ извѣстными тогда учеными, Мюнхенъ украшавшими: Зоммерлингомъ, Бадеромъ, Рейхенбахомъ, Вибекингомъ *. Въ ихъ присутствіи уже дѣлая онъ опыты надъ гальваническимъ телеграфомъ на быстромъ Изѣрѣ. Электрическій приводъ для взрыванія минъ занималъ уже его.

Я слишкомъ долго, кажется, оставлялся на этомъ періодѣ моей жизни, будто страшась приступить къ великому 1812-му году, къ лѣтамъ полного самопознанія, такъ не рѣдко уничтожительного; но накопившіе годы (мнѣ уже подъ шестьдесятъ), безсонныя съ нѣкотораго времени ночи, напоминаютъ о необходимости спѣшить, если хочу оставить вамъ, дѣти, хотя слабый очеркъ жизни资料 вашего отца, не всегда какъ примѣръ для вѣсть, но какъ урокъ и остереженіе.

Припоминая себя это время, я нахожу въ собственныхъ и въ чужихъ впечатлѣніяхъ что-то похожее на ощущенія, предшествующія разрушительному урагану. Воздухъ казался душенъ. Тучи собирались на разныхъ точкахъ Европы, громъ, еще отдаленный, гремѣлъ только за Пиренеями. Мюраты, Жеромы, Іосифы занимали брошенные престолы. Чувство неясное непрочности всего существующаго наполняло сердца. Людовикъ Бонапарте, король Голландіи, не постигшій знаменія времени и помышлявши о благосостояніи своего народа, осмѣянный и поруганный Наполеономъ, бѣжалъ съ своего опозореннаго трона. Нелѣные ко-

* Инженеръ, которому поручали сдѣлать соображеніе объ огражденіи Петербурга отъ наводненій.
П. Б.

стры изъ Англійскихъ товаровъ горѣли въ разныхъ городахъ Германіи къ изумлению жителей. Растилѣ правовъ, отъ неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ, какъ бываетъ во времена чумы, видимо разлилось повсюду, особенно въ высшихъ сословіяхъ общества.

Наполеонъ казался наверху насилия и могущества и въ изступленномъ раздраженіи противъ Россіи, особенно противъ Англіи, мысленно поглощалъ мимоходомъ первую и помышлялъ объ Индіи. Прейсишъ-Эйлау, Аспернъ, Ваграмъ въ Германіи, Байонна и истребительная война въ Испаніи, эти остерегательныя угрозы Прорицанія ослѣпленному завоевателю, не вразумили его. Совѣтъ и противорѣчіе благоразумія и предусмотрительности не находили уже къ нему доступа.

И я удивляюсь Наполеону, но для меня онъ далекъ отъ истиннаго идеала величія человѣка. Удивляюсь я его рѣдкому, многообъемлющему уму, его торазительной дѣятельности; но онъ не противосталъ ни одному искушению; но даръ, рѣдкій даръ остановиться въ время не принадлежащемъ ему. Вашингтонъ выше его.—Наполеонъ прошелъ какъ всесокрушительная буря, оставилъ послѣ себя одинъ развалины и урокъ блестательного ума и огромнаго, всепопирающаго самолюбія. Вашингтонъ, истинный представитель нравственного величія человѣка, отвергаетъ съ скромнѣмъ негодованіемъ предложенную ему преступную власть и довольствуется законною. Терпѣніемъ, умѣренностью, здравымъ смысломъ, ничѣмъ непоколебимымъ, личнымъ самоотверженіемъ, дополняетъ онъ недостаточныя, данныя ему въ борьбѣ, средства, обезоруживаетъ скромными подвигами самую зависть и оставляетъ по себѣ новое, великое, процветающее государство, если не

ему одному, то ему несравненно болѣе всѣхъ, своимъ существованіемъ обязанное, и человѣчеству — идеалъ истиннаго величія, въ трудное подражаніе. Онъ мой герой. Съ восторгомъ читаю и изучаю военную жизнь Наполеона, съ удивленіемъ всю жизнь Вашингтона.

ПРИЛОЖЕНИЯ

къ Запискамъ гр. П. Х. Граббе. *

I.

№ 3861.

По указу Его Величества Государя Императора Александра Павловича, Семидержца Всероссийскаго и прочая и прочая и прочая. Артиллеріи подпоручикъ Крабе **, проходя съ усердіемъ и ревностію теченіе всеподданнѣйшей Его Императорскому Величеству службы, пріобрѣлъ особенное къ себѣ уваженіе подвигомъ своимъ въ сраженіи 27-го Генваря 1807 года при Прейсишъ-Эйлау, гдѣ онъ искуснымъ и храбрымъ дѣятельствіемъ изъ орудій спасѣствовалъ къ пораженію непріятеля. О таковой его отличности всеподданнѣйше донесено было Его Императорскому Величеству, и по высочайшему Его Величества повелѣнію данъ ему препровождаемый у сего золотой крестъ въ ознаменование какъ всемилостивѣйшаго Монаршаго благоволенія, такъ и пожалованнаго ему преимущества умень-

* Графъ Павелъ Христофоровичъ, кромѣ Записокъ, удостоилъ настѣнѣ позволеніемъ прочитати нѣкоторыя старыя бумаги свои, случайно взятые въ Москву изъ его деревенскаго архива, и въ этихъ бумагахъ, посреди другихъ свидѣтельствъ и памятниковъ долгой, прекрасной и виодлѣ исторической жизни, наши мы вижеслѣдующіе подлинныя дополненіемъ его автобіографическихъ разсказовъ, за которые читатели Русскаго Архива П. Б.

** См. выше, стр. 797.

шненіемъ трехъ лѣтъ изъ срочнаго времени къ получению ордена военнаго и пенсіона. Вильно. Ноября 30 дня 1807 года.

Его Императорскаго Величества Всемилостивѣйшаго Государя моего генералъ-отъ кавалеріи и орденовъ Россійскихъ св. Апостола Андрея Первозванного, св. Александра Невскаго, св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія втораго класса, св. Владимира второй степени и св. Анны 1-го класса и Пруссаго Чернаго и Краснаго орла кавалеръ „баронъ Беннигсенъ.“

II.

Господинъ артиллеріи подпоручикъ Крабе. Въ воздаяніе отличной храбрости, оказанной вами въ сраженіяхъ противу Французскихъ войскъ, гдѣ вы минувшаго Мая 29-го при Гейльсбергѣ искусно дѣйствовали изъ вѣренихъ вамъ орудій и июня 2-го при Фридландѣ наносили непріятелю большой вредъ и не только уничтожали его предпріятія, но заставляли и отступать, жалую вѣсъ кавалеромъ ордена святыя Анны третьаго класса, коего знакъ при семъ къ вамъ препровождая, повелѣвало возложить на себя и носить по установленію, увѣренъ будучи, что сіе послужить вамъ поощрениемъ къ вѣщему продолженію ревностной службы вашей. Пребываю вамъ благосклонный

„Александръ.“

Въ С.-Петербургѣ
20-го Апрѣля 1808.

„В. м. графъ Аракчеевъ.“

III.

Грамота

Господину поручику Граббе.

Именемъ Его Императорскаго Величества и властію высочайше мнѣ вверенню, въ справедливомъ уваженіи къ

отличной храбрости вашей, въ сраженіи 26-го Августа оказанной, по засвидѣтельствованію начальства, препровождаю у сего для возложения на васъ орденъ святыя Анны 2-го класса.

Главнокомандующій 1-ю западною арміею генералъ отъ инфантеріи Барклай де Толли.“

Главная квартира
дер. Тарутинъ
22 Сентября 1812 года,
„Полковникъ Закревскій.“

IV.

Письмо Барклай де Толли къ князю Кутузову.

Милостивый государь князь Михаилъ Ларіоновичъ!

Адъютантъ артиллеріи генералъ-лейтенанта Ермолова поручикъ Граббе служилъ при мнѣ во время бытности моей военнымъ министромъ и былъ употребленъ въ Баварской миссіи, при которой порученія ему сдѣланныя исполнилъ съ совершеннымъ усердіемъ. Въ продолженіе же нынѣшней войны противъ Французовъ онъ всегда отличалъ себя мужествомъ, храбростью и неустрашимостью. Въ возмездіе сего представлены два раза къ ордену св. Георгія 4 класса и къ слѣдующему чину, но ни того ни другаго не получилъ.

Я осмѣливаюсь предать сего храбраго офицера въ благосклонное покровительство вашей свѣтлости и покорѣйше прошу доставить ревностной его службѣ достойное награжденіе. Все что изволите сдѣлать въ пользу сего чиновника, я приму въ одолженіе собственно себѣ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и неизрѣдько преданностью честь имѣю быть.

Милостивый государь вашей свѣтлости „покорный слуга Барклай де Толли.“

№ 312.
15 марта 1813.
Бромбергъ.

V.
Письмо Бернадотта къ П. Х. Граббе.

Monsieur le capitaine Grabbe. Les services distingués que vous avez rendus à la cause commune pendant cette campagne, me déterminent à vous conférer, au nom du Roi, mon Souverain, la croix de chevalier de Son ordre militaire de l'Epée. Je crois ne pouvoir faire un plus digne usage de l'autorisation dont Sa Majesté a daigné m'honorer. Sur ce je prie Dieu qu'il vous ait, monsieur le capitaine, en Sa sainte et digne garde.

Charles Jean.
A mon quartier-général
de Kiel, le 17 Janvier 1814.

Переводъ. Господинъ капитанъ Граббе. Отмѣнными заслугами, оказанными вами общему дѣлу въ продолженіи этой войны, побуждаютъ меня, препроводить въ вѣсъ именемъ короля моего государя кавалерскаго креста его военнаго ордена Меча. Мнѣ кажется, что я не могу болѣе достойнымъ образомъ воспользоваться полномочіемъ, коимъ Его Величеству угодно было почитить меня. Впросимъ молю Бога, да соблюдетъ вѣсъ, господинъ капитанъ, подъ Своимъ святымъ и достойнымъ покровомъ.

Карлъ Йоанинъ.

Въ моей главной квартирѣ
въ Киль, 17 Января 1814.
*

Въ грамотѣ отъ 7 Мая 1818 на знаки ордена св. Анны 2-й степени съ алмазными украшениями, сказано, что дается за отличие, оказанное въ кампании 1812 г., особенно въ сраженіи 7 Августа, гдѣ при форсированіи непріятелемъ большої дороги, собрали вы разсѣянныхъ людей въ колонну, ободривъ ихъ собственнымъ примѣромъ мужества, ударили съ ними въ штыки, опрокинули и уничтожили совершенно покушение непріятеля.“

Въ грамотѣ на орденъ св. Анны 2-й степени, выданной 31 Августа 1818 г., сказано, что орденъ этотъ данъ по служенію лейбъ-гвардіи въ конной артиллеріи, въ сраженіи при селѣ Бородинѣ, гдѣ „вы развозили приказанія генерала Ермолова, находились повсюду впереди при пораженіи непріятеля и дѣйствовали съ отличиою храбростю.“

Въ грамотѣ отъ 1 Июля 1819 на орденъ св. Владимира 4-й степени съ бантомъ: „Въ сраженіи Сентября 22 числа 1812 г. при селеніи Чернышѣвѣ, вы, по служенію вашему лейбъ-гвардіи въ конно-артиллерійской ротѣ, въ чинѣ поручика, находясь при генералѣ графѣ Милорадовичѣ, отдавали его приказанія подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, порученную вамъ батарею устроивъ на выгодномъ мѣстѣ, дѣйствовали съ оной по непріятелю съ большимъ для него пораженіемъ.“